

Д.В. Чернец

А.А. Фет

Лирический герой. Стихи о поэзии

Понятие «лирический герой» используется в литературоведении с целью подчеркнуть различие между биографическим автором и субъектом переживаний, выраженных в стихотворении, цикле или книге стихов. Правда, это не общепринятый термин; ряд исследователей предпочитают говорить о «лирическом субъекте» как носителе переживаний, связывая с «лирическим героем» индивидуализированный образ; лирический герой — не только субъект сознания, но и предмет изображения. С этой точки зрения, ««я» стихотворений Фета отнюдь не лирический герой, это взгляд на мир, по существу отвлеченный от конкретной личности.

Сама проблема различения поэта как творческой личности и человека во всех его проявлениях отнюдь не нова (вспомним Чарского из «Египетских ночей» Пушкина). Критик Страхов, друг Фета, писал о «преображенной личности» поэта:

«В поэте два человека — он сам и его муза, то есть его преобразенная личность, и между этими двумя существами часто идет тяжелая борьба. Есть натуры столь высокие и светлые, что в них муза и человек одно, — и тогда судьба человека сливается с судьбами его музы. <...> Но обыкновенно поэты живут в некотором хроническом разладе между музою и человеком. Великое чудо здесь состоит в том, что муза сохраняется и развивается иногда при самых неблагоприятных обстоятельствах».

Весь облик Фета: практичного, волевого, целеустремленного человека и одновременно тонкого лирика, поклоняющегося Красоте, певца русской природы, — наводит на мысль об упомянутом «хроническом разладе». Не только колючие пародисты «Искры» и «Русского слова», но и друзья Фета (Фетушки, как его часто называли) подтрунивали над его прозаической внешностью и пристрастием к земным благам. Плененный стихотворением «Еще майская ночь», Л. Толстой писал В. Боткину:

«...И в воздухе за песню соловьиной разносится тревога и любовь! — Прелестно! И откуда у этого добродушного толстого офицера такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов».

А в декабре 1876 Толстой, высоко оценив стихотворение «Среди звезд», с его «философски поэтическим характером», вставляет в свое письмо к Фету шутивное замечание:

«Хорошо тоже, что заметила жена, что на том же листке, на котором написано это стихотворение, излиты чувства скорби о том, что керосин стал стоить 12 копеек. Это побочный, но верный признак поэта».

Сам Фет неизменно четко различал *поэзию и науку, поэзию и жизнь, жизнь и красоту жизни*. Вот несколько его характерных суждений:

«Насколько в деле свободных искусств я мало ценю разум в сравнении с бессознательным инстинктом (вдохновением), пружины которого для нас скрыты <...>, настолько в практической жизни требую разумных оснований, подкрепляемых опытом».

«Я никогда не мог понять, чтобы искусство интересовалось чем-либо помимо красоты».

«...Мы... постоянно искали в поэзии единственного убежища от всяких житейских скорбей, в том числе и гражданских...»

В целом мотивы и настроения поэзии Фета соответствуют его эстетическому кредо, разве что найти в поэзии «убежище от всех житейских скорбей» с годами становилось все

труднее. Но «лабиринт сердца» (понравившееся Фету выражение Гёте) действительно не пропускал в его лирику мотивов *прозаических*, к которым, видимо, он относил очень многое.

Можно ли говорить в таком случае о внутреннем разладе, раздвоении? Загадка личности Фета неизменно волновала его биографов.

У Фета есть ряд стихотворений о назначении поэзии, ее могуществе, ее способности переплавить страдание в радость, остановить время. К ним относится и стихотворение «Одним толчком согаать ладью живую...», которое образует цикл с другими стихотворениями, также прославляющими поэзию: «Поэтам», «Если радуется утро тебя...» и др., где в особенности выразителен, впечатляющ мотив победы поэзии над временем, мотив бессмертия мгновения, если оно запечатлено поэтом.

Вечные темы: природа, любовь, красота

Современные Фету критики неоднократно отмечали узость его тематики и, в зависимости от собственного понимания задач поэзии, порицали его за это или, напротив, находили естественным, законным. Так, Салтыков-Щедрин писал с явной иронией:

«Поэтическую трапезу г. Фета, за весьма редкими исключениями, составляют: вечер весенний, вечер летний, вечер зимний, утро весеннее, утро летнее, утро зимнее; затем: кончик ножки, душистый локон и прекрасные плечи. Понятно, что такими кушаньями не объешься, какие бы соусы к ним ни придумывались».

В сущности, те же темы — только под знаком плюс — назывались критиками ценившими в Фете служение «чистому искусству».

В. Соловьев, младший современник Фета и почитатель его поэзии, полагал, что лирика обращена лишь «к основной постоянной стороне явлений, чуждаясь всего, что связано с процессом, с историей», он отлучал от настоящей лирики «прикладную» (в частности, политические стихи, например, «Клеветникам России» Пушкина). О мотивах лирики Фета критик-философ пишет с глубоким сочувствием:

«...вечная красота природы и бесконечная сила любви — и составляют главное содержание чистой лирики».

В чем же своеобразие, новаторство Фета в освещении этих вечных тем? Какие образы и имена дает он для обозначенных состояний души, до него не воплощенных, не выраженных словом? Критик А. Дружинин писал о Фете — «властелине» в своей области, пусть малой:

«Сердце читателя волнуется <...> от умения поэта ловить неуловимое, давать образ тому, что до него было не чем иным, как смутным мимолетным ощущением души человеческой, ощущением без образа и названия».

Казалось бы, Фет пишет о том, что давно ведомо всем и каждому, к тому же явно не стремится к обновлению поэтического словаря, стихи изобилуют традиционнейшими «поэтизмами»: заря, роза, соловей, звезды. Но об обычном он пишет необычно.

Одной из тайн сильного эмоционального воздействия лучших стихов Фета на читателей является их своеобразная недосказанность, импрессионистичность (сопоставление поэзии Фета и творчества художников-импрессионистов давно проводится исследователями). Для Фета недосказанность была эстетическим принципом, которому он следовал сознательно. В статье «О стихотворениях Тютчева» (1859) Фет писал:

«Образ своей замкнутостью, а мысль своей общностью и безграничностью вызывают душу созерцателя на восполнение недосказанного — на новое творчество, и таким образом содействуют его соучастником художественного наслаждения».

«Музыкальность» стихов

Родственность лирики — *выразительно-изобразительного* рода литературы — и музыки хорошо подтверждают стихи Фета. Их ритмическое разнообразие, мелодичность, использование многообразных повторов (столь характерных для музыкальных композиций): анафор и эпитет, «кольца», синтаксических параллелизмов, звукописи и др. — под стать «неуловимому» содержанию его лирики. Дружинин писал:

«Немногие из ныне живущих служителей Аполлона до такой степени понимают значение музыки слов, немногие умеют выбирать столь удачно размер для своих стихотворений. В этом отношении наш поэт чуток и тонок. У него есть вещи, бьющие в цель по одной только музыке»

Очень многие стихи Фета были положены на музыку. Так, широко известны романсы П. Булахова («Только станет смеркаться немножко...», «Молчали листья, звезды рдели...»), П. Чайковского («Уноси мое сердце в звенящую даль...», «Мой гений, мой ангел, мой друг...»), С. Рахманинова («О, долго буду я в молчаньи ночи тайной...», «Какое счастье: и ночь, и мы одни!...») и др. В XX веке композиция стихотворений Фета, их мелодика стали предметом специальных исследований.

Богат метрический репертуар Фета, использующего все размеры русской силлаботоники, их различные ритмические вариации. Но ямбы и хорей, трехсложники используют очень разные поэты. Почему же именно стихи Фета столь близки, столь родственны музыке?

У Фета немало стихотворений, где он продолжает любимую тему романтиков — невозможность выразить душу в слове (вспомним Жуковского, его «Невыразимое»). Таковы, в частности, стихотворения «Как мошки зарею...», «Поделись живыми снами...», «Какие-то носятся звуки...», «Я тебе ничего не скажу...». Уже столь частое обращение поэта к теме «невыразимого» подчеркивает важность для него стиха как звучащей и мелодичной речи.

Поделись живыми снами,
Говори душе моей;
Что не выскажешь словами —
Звуком на душу навей.

— это обращение к лирической героине одновременно характеризует путь самого поэта к читателю.

У Фета есть стихотворения, непосредственно посвященные музыке и пению.